

ФЕВ. 1936

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

МОЛОЖЕ МОЛОДЫХ

НИ ОДИН СОВРЕМЕННЫЙ советский театр не избежал влияния творчества Мейерхольда как по линии политической, идейной насыщенности работы над спектаклем, так и по линии технической изобретательности и реформы театральной сцены и ее оформления.

Это можно смело утверждать теперь. Но мы помним, с каким воим и визгом в 1920 году отнесся целый ряд театров к лозунгам Мейерхольда. Эти вой и визг перешли теперь в признание и частично — в шипенье и недоброжелательность.

Это было бы не страшно, так как вой и визг в свое время не мешали работе, а наоборот ожесточали и помогли. Как в первые дни театрального Октября помогали они, так и теперь помогали бы еще более ожесточенно и собранно бороться за свою правду. Но в том-то и дело, что тогда техника и уровень новой театральной культуры позволяли выдвигать темперамент в холодном и непопленном, грязном вокзале театра Зон, и спектакли в холодном помещении облизали Мейерхольда и его театр с пролетарской публикой. Холодно и голодно было везде. У весельщика, сообщавшего со сцены,

что Перекон взят красными войсками, слышал голос. Энтузиазм молодости, неспящий со сцены з жизнь и на жизни на сцену, согревал актеров и зрителей. Было не до хорошего помещения. Мейерхольду и здесь, в ужасных условиях, можно было заложить фундамент первого советского театра, который кстати так и назывался — театр «РСФСР I».

Теперь время изменилось. Кругом — асфальт, свет, масса хороших театров с просторными, прекрасно оборудованными фойе и помещениями. Теперь уже холод, дешевая клубная коробка театра, проходной двор, который чувствуется в театре Мейерхольда, не вяжутся и никак не оправдываются окружающей действительностью. Театру Мейерхольда нужно новое помещение. И оно будет у него. Но разве нормально, чтобы Мейерхольд, хотя бы временно, но «временно» на два-три года, остался почти без помещения?

Допустимо ли, чтобы гениального мастера советского театра, гениального художника, признанного миром, в шестьдесят лет полного энергия, молоде душой самого молодого из нас, но все же в шестьдесят лет, — ставили в невыносимые условия работы в кошмарном, антисанитарном помещении-коробке — Тварская, 15? Мне кажется, что пройти мимо этого в юбилей В. Э. нельзя.

Но не это главная тема моих спрочек о Мейерхольде.

Гордась тем, что в последние годы работы этого величайшего мастера, именно в годы провозглашения им театрального Октября, з годы самой бурной революционной работы, в годы открытия путей советского театра, мне привелось работать как актеру под его руководством, быть

близким свидетелем его побед, боев, отпорчений, неутомимой творческой работы. — гордась всем этим, мне бы хотелось несколькими штрихами показать Мейерхольда в его повседневной будничной работе, подвинуть ближе его образ.

Надо сознаться, что широкий артист при всем уважении к Мейерхольду имеет очень слабое, часто неверное понятие о методах работы Мейерхольда, совсем не знает, как протекает эта работа в театре. От огромной экспериментальной работы, от массы его выдумок, проб, экспериментов осталось много шелухи, которой до сих пор еще достаточно и в самом театре. Эта шелуха многим забила голову и создала неверное, невероятное, легкомысленное, близорукое отношение (у немалой части публики) к Мейерхольду и его театру.

Взять, например, биомеханику. Какое неверное безграмотное, худшее представление существует о биомеханике! Не только широкий зритель, но и наша нередко безграмотная, на мой взгляд, театралитика (особенно в технологическом отношении) не имеет понятия о биомеханике.

Так у меня имеется вырезка центральной украинской харьковской газеты, где видный критик Туркельтауб без всякой иронии счел верчением крыльев вярной мельницы и колес в спектакле «Великодушный рогоносец» за биомеханику. Думают, что биомеханика — это собственно что-то зрело выработавшее. В лучшем случае знают, что биомеханика — это ряд приемов на сцене, умение дать пощечину, выпрыгнуть на плечи партнеру и т. п. и т. д.

Мало кто знает, что биомеханическая система игры, начинающаяся с ряда приемов, заключающихся в умении

распорядиться своим телом на сценической площадке наиболее выгодным и правильным образом, доходит до сложнейших проблем актерской техники, проблем координации движения, слова, умения распоряжаться своими эмоциями, своей актерской возбудимостью. Эмоциональная насыщенность актера, темперамент, возбудимость, эмоциональное сочувствие художника-актера творческим переживаниям своего героя — это тоже один из основных элементов сложной биомеханической системы.

Что поражает в будничной работе Мейерхольда — это его неутомимость, и неиссякаемая энергия. С раннего утра и до поздней ночи чередуются сложнейшие, хотя бы в чисто физическом отношении, работы на репетициях с работой общественного деятеля.

На репетиции. Кто легче и юнее самого юного импровизационно стайцует на сцене, залетит на станок, показывая восемнадцатилетний порыв? **Шестидесятилетний Мейерхольд.** Кто, не щадя живота своего, в импровизационном показе актерам валивается в пыли, хрипя, выплескивая своей ослепительной температурой, гениально показывая сцену умирающего солдата? **Шестидесятилетний Мейерхольд.** Кто платит на сцене, показывая образ обманутой шестнадцатилетней девушки, при чем его ученики, залавив дыхание, смотрят на сцену, не видя седоватых волос, характерного носа, а видя перед собой юную девушку с юными женственными движениями, с такими свежими, юными, неожиданными, хватающими за сердце интонациями, что слезы, проступившие у нас на глазах, смешиваются с радостью

беспредельного восторга перед этими гениальными вершинами актерского мастерства?

Как жаль, что не только широкая публика, но и советские театральные работники лишены возможности видеть Мейерхольда в его репетиционной работе. Кто не видел Мейерхольда на репетиции, тот не знает в Мейерхольде самого ценного и дорогого.

Только кончилась репетиция — заседание ячейки, лекция студентам, вечером доклад в районе, диспуты, воспоминания о Маяковском, столь родном Мейерхольду, популярная лекция в подшефном полку, статья для газет или журнала. А между всем этим вопросы своим: Ну, как на репетиции вышла у меня эта сцена? А? Будет хорошо? Хорошо? А?!

Вот он, шестидесятилетний Мейерхольд.

Я прочел в воспоминаниях Качалова, что в 1900 году в саду «Эрмитаж» Мейерхольд в беге по дорожкам сада перегонял своих тогдашних сверстников, нынешних стариков, частью уже сошедших в могилу. О вышеописанном судить не могу, так как в это время я только что начинал шевелиться в утробе моей матери. Но вот прошли три с лишним десятка лет. Недавно в Харькове мы бежали с Вс. Эм. на верх гостиницы, на шестой этаж. Старик обогнал меня уже к третьему этажу.

Я почувствовал, что захохотал и каторгически отстаю от Вс. Эм., который легко залетел уже на шестую площадку. Вот этой физической юности и бодрости (о юности души и говорить нечего) я горячо желаю дорогому Всеволоду Эмильевичу на долгие годы от всего сердца.